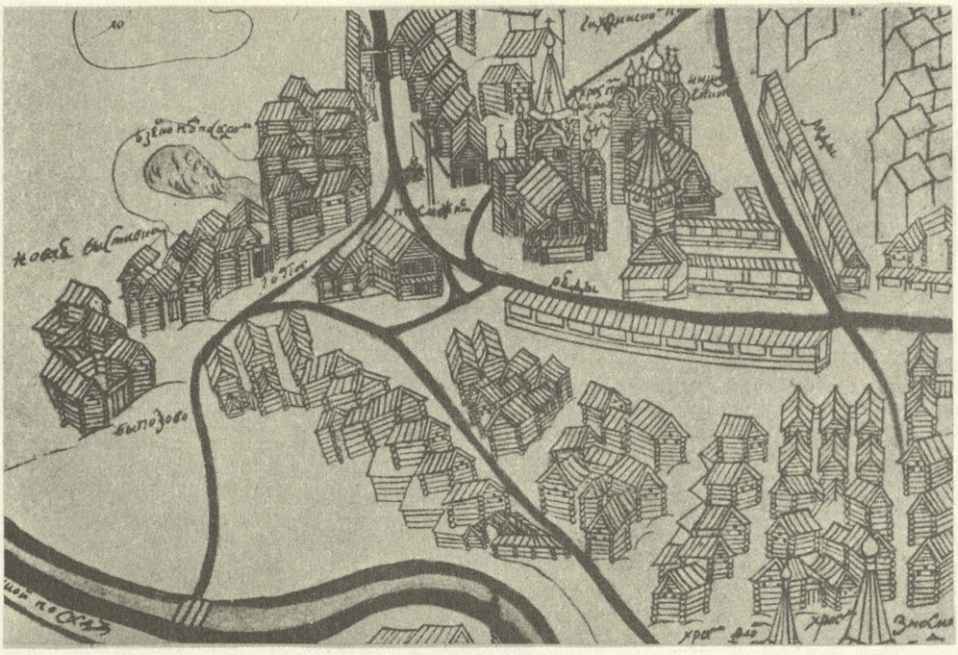


Русское крестьянское жилище XVII—XIX веков

Все иллюстрации к статье С. Жегалиной и Н. Гончаровой сделаны с экспонатов, хранящихся в Государственном Историческом музее

Чтобы по-настоящему оценить совершенство русского бревенчатого дома, надо побывать в нем; в мороз он хорошо держит тепло, в дождь он поразительно сух, в томящий зной он дарит блаженную прохладу.

Жилище крестьянина является той областью национальной культуры, где, как в фокусе, нашли отражение разные стороны жизни деревенского населения России. Рассматривая его внимательно, мы познакомимся с условиями, в которых жил крестьянин далекой от нас эпохи, как на протяжении более трех столетий совершенствовалось его жилище, как в результате этого развития оно сложилось в то мощное по своим объемам сооружение, которое не только отвечало всем потребностям его обитателя, но и свидетельствовало наглядно, каких высот достигло на Руси плотничье искусство.

Исторически сложившиеся условия жизни крестьянства обусловили собой то, что именно на Севере и в Верхнем Поволжье его жилье сложилось в наиболее совершенные типы, причем каждый из них имел своеобразия, связанные и со своим временем и с данной территорией. Те же условия определили собой то, что именно Русский Север оказался территорией, где в XVII—XVIII веках крестьянское жилище получило большие возможности для своего развития. С перемещением же торговых путей с Севера в Прибалтику такие же возможности создались в Верхнем Поволжье.

В соответствии с таким ходом развития — по более раннему периоду — XVII—XVIII веках — мы начнем характеристику деревни с Севера, а затем вместе с объектом нашего изучения переместимся в Центральную Россию. Следует только сказать, что источники по изучению древнерусских построек очень скудны: дерево — материал недолговечный, да и пожары уничтожали порой не только целые селения, но и города.

Поэтому лишь соединяя дошедшие до нас зарисовки и «чертежи» отдельных селений с письменными сведениями, описания некоторых строений, их конструктивных особенностей с более поздними традиционными сооружениями, мы сможем представить себе деревню и ее устройство в XVII—XIX веках.

С. К. Жегалова,
историк

Крестьянское жилище Русского Севера XVII—XVIII веков

В XVII веке территория Русского Севера включала современные Вологодскую и Архангельскую области. Весь этот край, богатый растительностью еще и сейчас, в то время был почти сплошь покрыт дремучими лесами, перемежавшимися с полями и болотами. Единственными средствами сообщения служили реки: большие и полноводные, они пересекали всю обширную территорию и, подобно кровеносным сосудам, несли жизнь в самые глухие его уголки.

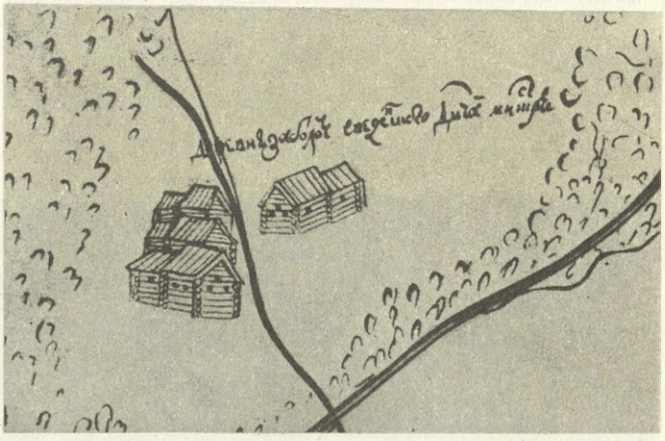
По экономическим и природным условиям Север разделялся на несколько областей. На западе его лежало Обонежье и Белозерский край. Самое большое богатство здесь — дорогие сорта рыбы, которая через реки, речки и озера вывозилась на внутренние и внешние рынки страны.

Богатой и разнообразной по природным условиям была обширная область бассейна Северной Двины с притоками. По ее берегам рос отличный строевой лес, а заливные луга являлись прекрасными пастбищами. Выжженные под пашню лесные участки давали высокий урожай льна, они испокон веков так и назывались «льнищами». Леса изобиловали пушниной, дичью, реки — водоплавающей птицей, а удобные пути для сбыта всех этих богатств предоставляли плавные и спокойные воды Северной Двины и ее шумные притоки.

Еще одним важным фактором, определившим своеобразие экономического и культурного развития северного края, было особое положение сельского населения: здесь никогда не было крепостной зависимости крестьянина, которая приняла такие тяжелые формы в центральных районах России. Сидя на земле, которую крестьянин считал своей собственностью, он был свободен от мелочной повседневной опеки; мог сам выбрать себе занятие, по своему усмотрению организовать хозяйство. При желании он легко снимался с насиженного места и в поисках лучшей — «вольной» — жизни мог переселиться в другие края. Относительно свободное положение населения, природные богатства края и удобные средства сообщения привели к значительному развитию здесь промыслов и торговли. Среди промысловых занятий редкое было не связано с деревом — в его окружении, в тесном общении с лесом проходила вся жизнь крестьянина. В результате с малых лет любой деревенский житель владел топором, а среди промыслов — ведущим было плотничество. Сложившееся в давние времена, оно оказало большое влияние на развитие русской национальной культуры, а отработанные веками конструктивные и художественные приемы сооружения привели к созданию тех шедевров деревянного зодчества, которые вошли в сокровищницу мирового искусства. К XVII веку на Севере выделились целые деревни потомственных плотников. Естественно, что их мастерство нашло отражение и в деревенском строительстве.

Своеобразной чертой в истории Севера было обилие скитов, пустынь и монастырей, что также оказало влияние на хозяйственное и культурное развитие края. Монастыри являлись самыми богатыми заказчиками на выделку разнообразных изделий. В небольших раскольничьих пустынях и скитах, укрывавшихся в густых лесах, также процветали ремесла. На ярмарках, у стен монастыря крестьянин мог сбыть изделие или получить на него заказ. Здесь он мог обучиться грамоте. Не случайно, среди населения северной деревни грамотность была распространена шире, чем в любом другом районе страны[1].

Очень часто монастыри нуждались и в плотничьих работах; естественно, что именно здесь сосредоточивались самые искусные зодчие. Так, например, в XVII веке в числе владений Кирилло-Белозерского монастыря была деревня, где крестьяне — поголовно плотники — вместо оброка выполняли на монастырь разные работы («Оброку с них в монастырь не емлют, потому что оне делают в монастырь всякое плотничье дело»)[2].



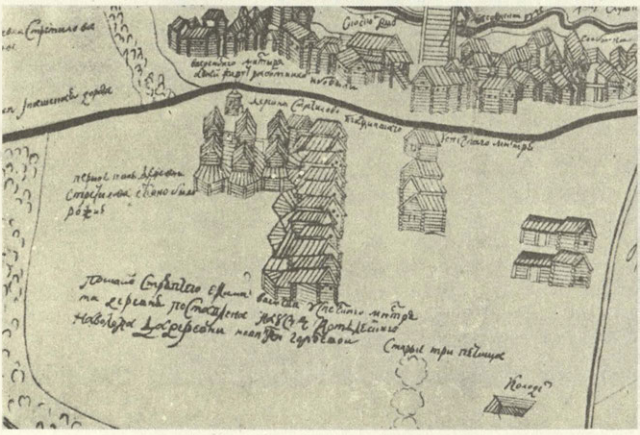
Тихвинский посад на плане 1678 года.

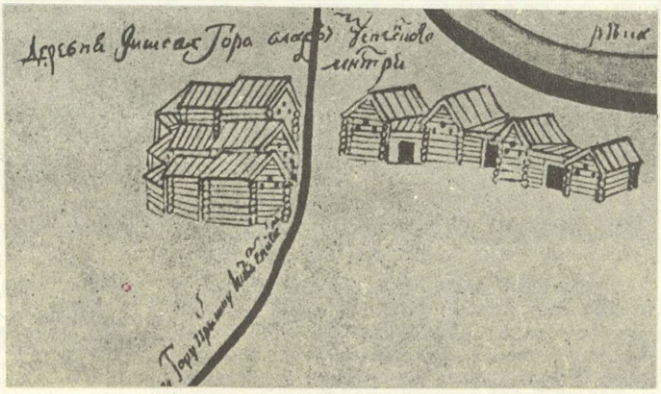
Отмеченное своеобразие экономических и социальных условий жизни северной деревни способствовало формированию того типа сельского жителя, который значительно отличался от своего собрата из южных и центральных районов страны. Отчетливо сознавая свои права, крестьянин умел с достоинством их отстаивать. Тесная связь с рынком, с населением городов и монастырей, вызывала необходимость к частым передвижениям, что в свою очередь способствовало расширению кругозора, знакомило с достижениями науки и культуры своего времени, вызывало тягу к знаниям. Все это не могло не отразиться на общем уровне культуры северной деревни вообще и на условиях быта, в частности

Деревня Заборье на плане Тихвинского посада. 1678 год.

В XVII веке наиболее заселенными уездами на Севере были Устюжский и Сольвычегодский — на востоке (по берегам Северной Двины и Вычегды), а на западе — Каргопольский и Заонежский — по реке Онеге с притоками и озерами. Поскольку реки были единственными средствами сообщения, поселенцы

обосновывались по берегам рек, выбирая для жилья места повыше и посуше, чаще же всего — на мысах, при впадении в большие реки малых ручьев и речек. И вот на пустом месте, в диком лесу возникало селение — «починок» (от слова «начинать») или же «погост» — поселение, иногда с церковью, иногда — с часовней. Состояли они из 1—2 дворов, реже их число доходило до четырех.





Деревня Фишева Гора — фрагмент плана Тихвинского посада. 1678 год.

Самые населенные деревни с 10—15 дворами — встречались только в юго-восточных устьянских волостях. Выросший починок превращался в деревню, а несколько починков, деревень и погостов объединялось в «волостку» или волость. Как правило, она охватывала какой-нибудь приток реки и узкой лентой вытягивалась по ее берегам[3]. Река служила удобным сообщением и с соседней деревней, и с далеким городом. Близость воды удовлетворяла все хозяйственные нужды крестьянина. Сохранившие в основе старую планировку поселения показывают, как умело крестьянин выбирал место для своего будущего жилья. Учитывая близость воды и рельеф местности, он ставил свой дом так, чтобы грядой холмов или группой деревьев защититься от холодного северного ветра; выбирал участок с расчетом, чтобы было где возделать пашню, пасти скот[4].

Другие формы поселений возникали там, где они располагались вдоль основных магистралей страны или же вблизи оживленных торговых центров. В этом плане интересный материал дают зарисовки иностранцев или снятые в отдельных местах «чертежи» — планы.

В 1667 году с дипломатической миссией побывал в России австриец Августин Мейерберг. По дороге от западной границы к Москве он сделал ряд набросков встретившихся ему по пути городов, сел и деревень. Хотя выполнены они были наспех, без обозначения, а порой и понимания деталей, основное представление они дают верное[5]. Разбросанные как бы произвольно строения то лепятся тесно друг к другу, то стоят в сторонке. Но даже там, где на первый взгляд нет порядка, мы догадываемся, что тянутся они вдоль скрытой от зрителя большой проезжей дороги, откуда, видимо, и делались зарисовки.

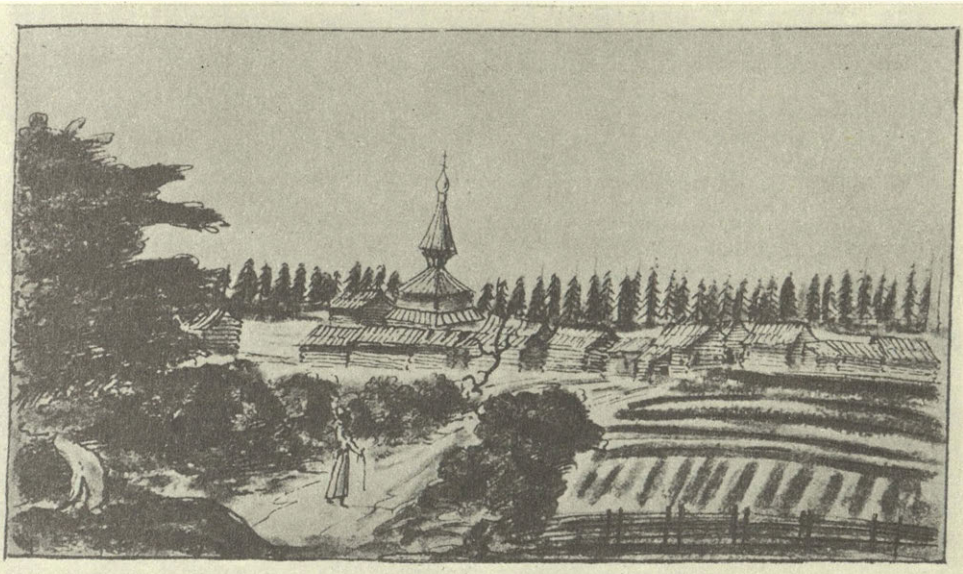
На некоторых рисунках, кроме направленности по общей линии, видно, как поставленные рядом домики образуют идущую вглубь от дороги улицу или же они смотрят друг на друга с двух противоположных берегов реки, ведь наличие воды было главным условием каждого вновь возникавшего селения.

Особый вид деревенского поселения складывался около какого-либо оживленного торгового места. Нередко таким притягательным центром становился монастырь: ремесленники могли получить здесь заказы на работы, торговый люд тянулся к ярмаркам, а крестьяне оседали на монастырских землях, с обязательством различных отработок и повинностей.

В качестве примера можно познакомиться с планом Тихвинского монастыря 1678 года и располагавшихся вокруг него крестьянских поселений. На этом плане с редкой для описываемого времени точностью и наглядностью показаны деревни, слободки и посады[6].

В центре плана, в излучине реки, изображен Успенский монастырь, окруженный прочной бревенчатой стеной с шатровыми башнями и тремя воротами. Устроенный у ограды и соединенный с рекой ров показывает, что монастырь являлся и крепостью: в случае опасности мог укрыть в своих стенах окрестное население. Ниже по течению, на другом берегу Тихвинки был расположен еще один монастырь — Введенский. Он тоже был окружен деревянной стеной, но не такой массивной и без башен. Вокруг монастырей показаны их владения и хозяйственные строения: поля, луга и огороды, скотные дворы, колодцы и мельница.

На плане видно, как тянулось и росло население вокруг монастырей: чем ближе оно расположено к его стенам и реке, тем многочисленнее и теснее его постройки. Самое крупное изображено на том же берегу, что и Успенский монастырь, в правом нижнем углу листа. Расположенные группами и рядами вдоль дорог домики образуют улицы и порядки, а в центре селения большая площадь с двумя церквами, крытыми рядами и таможней. Это — Тихвинский посад, торговый центр всех монастырских владений.

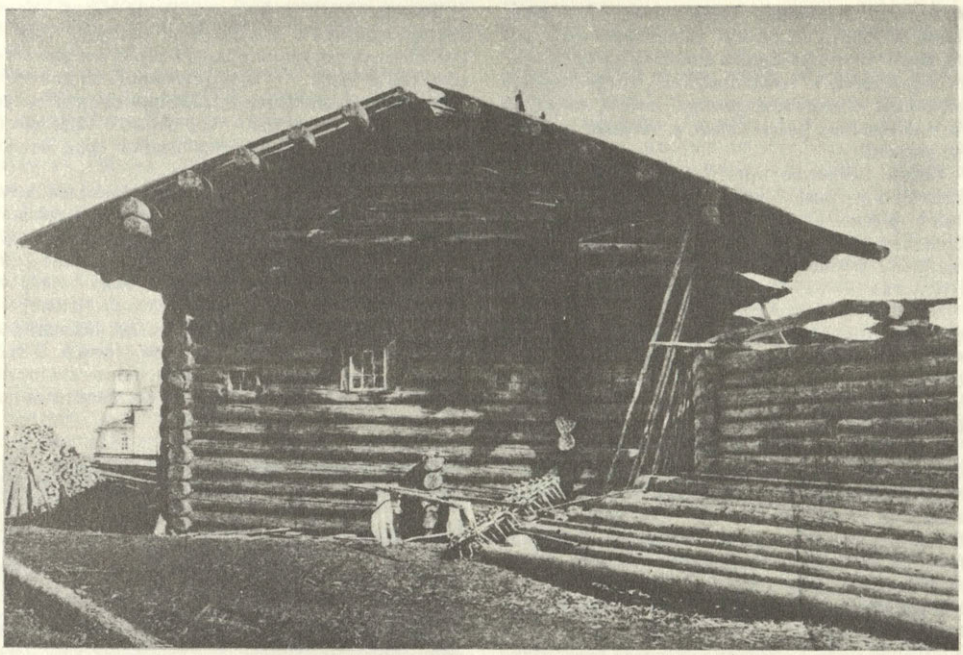


Zimnagohra ein Dorff. dem Großfürsten in Muscau gehörig lieget vier meilen von Jascholbitza.

Saltzo ein Dorff dem Großfürsten in Muscau gehörig, lieget drey meilen vom strom Sittna, darbey ein fließendes waßer Salegna genandt, auff welchem wir mit acht schiffen gefahren biß in den Illmen See, der bey Golina mit dem strom sich vereiniget, worzwischen vier schöne dörffer gelegen die der Großfürst einem Dwaranin ahmens Alexander Kanitzko Iwanowitz zugenießen überlaßen hat.

К стенам Введенского монастыря прилепились слободки, дальше, через дорогу от него — небольшая деревня Стретилово, а в отдалении от центра — почти у самой восточной границы снятой местности — две крохотные деревеньки: Заболотье и Фишева Гора. Интересно отметить, как в зависимости от местоположения и размера селения изменялся и характер его построек: небольшие низкие избушки с крохотными пристройками дальних деревень в посаде сменились высокими домами с огороженными дворами и несколькими хозяйственными строениями.

В документах XVII века все строения, принадлежавшие одному хозяину, носили название «хоромы» (то есть «дом»). Огороженные все вместе и принадлежавшие одному владельцу, они считались «двором». В понятие же «деревня» входил не только сам населенный пункт, но и все принадлежавшие ему земельные владения. Купчие или «духовные» того времени, а также спорные дела об имуществе дают богатый материал о видах построек и их назначении, о характере земельных владений крестьянина, что существенно дополнит наше представление



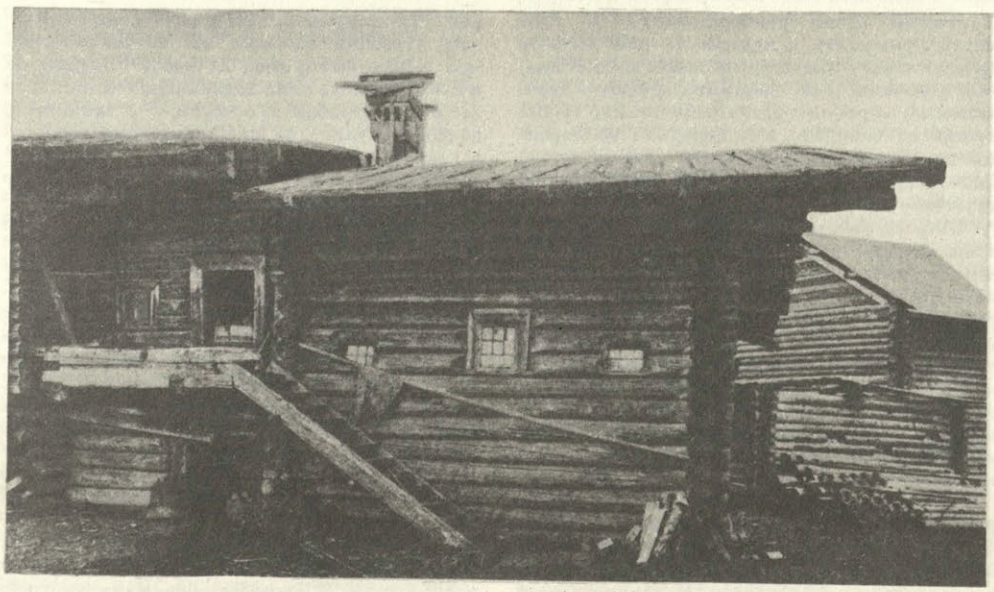
Село Верховье Онежского р-на Архангельской области

о деревенском селении и его обитателях в описываемое время.

Земля, на которой стоял двор, считалась «усадебной», к ней примыкали «огородцы» для овощей, конопляник и хмельник. Дальше от двора лежала полевая или «горняя» земля, сенокосы и пастбища: по берегам рек, речушек и озер были рыбные ловли, а в лесу — «перевесы» и «путики» — охотничьи угодья. Все земельные угодья делились поровну между хозяевами дворов, а для большей справедливости раздела тянули свою долю по жребию, отчего и сама доля стала называться «жеребьем». Из чего это «жеребье» складывалось, можно судить по одному примеру. Так, в 1635 году один крестьянин продал принадлежавшую ему третью часть деревни (видимо, вся она состояла из трех дворов), «с землею и двором», и в числе его владений перечислены: огородец с капустником и конопляником, поля и пожни, озерные истоки, перевесы и путики, березник, «сырые и сухие леса». После этого перечня, как бы из опасения чего-нибудь не упустить, в заключение сказано: «...и со всем угодьем, что по тому жеребию исстари потягло... (то есть относи-

Изба 1765 года («Семи государей»).

Крыльцо и горница, устроенные на выпусках бревен — «повале» в избе 1765 года (Л. Костиков. Изба семи государей)



лось.— *С. Ж.*)... куды топор... и плуг... и соха, и коса, и борона ходили»[7]. Последнее выражение, часто встречающееся в подобных документах, относится к тому времени, когда первые поселенцы осваивали данные места, вырубая под пашню лес, распахивая и засевая освоенные участки.

Также детально перечисляются принадлежавшие крестьянам строения; в результате можно уяснить не только все их виды и назначения, но и материал, из которого они делались, отдельные конструктивные приемы устройства.

На первом месте обычно называется клеть, она служила для хранения ценного имущества и необходимых жизненных припасов. Ее можно увидеть почти на всех рисунках Мейерберга и на плане Тихвинского монастыря. Это — небольшой сруб, примыкающий к задней стене избы, покрытый самостоятельной кровлей. Как важное хранилище самого ценного имущества — «движимости», ее часто увеличивали: ставили на нижний этаж — подклет, или возводили несколько подобных строений («...а во дворе,— читаем мы,— хоромов изба... да клеть с подклетом...», или же «...а во дворе хоромов изба... да две клетки наземные...»)[7].

Слюдяная оконница от волокового окна. XVIII век. Север.

Слюдяная оконница от красного окна. XVIII век. Север.

Вместо клети непосредственно к избе могла примыкать повалуша (о ней мы еще скажем ниже) или же отдельные хозяйственные строения. Так, например, в одном перечислении хором — против избы стояла «повалушка да сенник», а в порядной на строительство в одном случае рядом с избой нужно было поставить сарай, а уже за ним клеть, а в другом — против избы — сенник[8].

Широко распространенная в более позднее время связь — изба — сени — клеть — в XVII веке в деревне, видимо, еще не сложилась, хотя в редких случаях между избой и клетью упоминается какое-то промежуточное помещение, возможно, будущие сени. Так, например, один крестьянин, вступивший в Зосимовскую пустынь, должен был, помимо основных построек, «меж избою и клетью устроить заплот из двух звеньев...» или же «между избой и сенником поставить два столба... и заплот забрать»[8].

На втором месте по значимости стоял двор с хлевами для скотины. На плане в деревнях Фишева Гора и Стретилово двор показан в виде крытой пристройки, которая огибает с двух сторон избу с клетью. Наличие их говорит о значительном благоустройстве северного крестьянского жилища уже в XVII веке: в центральных районах страны из-за отсутствия подобных помещений скотину еще и в XIX веке держали или в открытых загонах, или же в избе. О хозяйственной приспособленности описываемого жилища говорит также большое количество «хоромных» строений, при этом каждое из них имело свое особое назначение.

Из подобных помещений упоминаются житницы и амбары (для хранения зернового хлеба), сенники и сараи, овины и гумна (для сушки и обмолота снопов), а также бани («мыльни»). В расположении этих построек сложилась определенная система. Постройки для хранения необходимых жизненных припасов и скота старались поставить ближе к жилью, а овины с гумнами, бани и житницы выводили подальше из-за опасности пожаров. Так, например, при перечислении хоромных строений сказано: «А во дворе хоромов изба с шебнушею, да клеть с подклетом и с погребом, да хлев подле подклета, да сарай на шести столбах и с тесом и с заплотами, да баня на улице, да житница на поле, да овин с гумном и с сараем, и с мякинницею»[7].

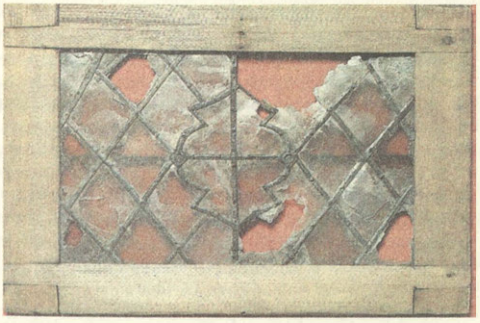
В деревне Стретилово на плане можно увидеть, что амбары поставлены против основного порядка изб через дорогу. А еще дальше — в поле — два овина с гумнами.

Четкость изображений на плане позволяет узнать своеобразие традиционных конструктивных приемов строительства, в которых нашло отражение отработанное веками искусство русских плотников. Показанные на переднем плане избы сложены «в четыре углы», из рядов — венцов бревен с выпущенными концами (то есть рубленные «в обло»), что предохраняло жилье от промерзания даже в сильные морозы. Для более плотного прилегания бревен в каждом венце делали продольный паз и — для утепления — прокладывали мохом «избу мохом подтыкивать»[8], говорится в одном из договоров на постройку в 1648 году. В качестве материала употребляли преимущественно сосну: ее смолистость предохраняла древесину от разрушения. Кро-

ме того, ствол сосны был прямым и менее сучковатым, чем другой хвойный лес. Не случайно, при заказе на отдельные строения качество материала специально оговаривалось. Так, например, в одной порядной 1684 года на постройку в Вологде двух горниц записано: «... лесу высечь соснового, доброго, ядреного, гладкого, несуковатого и не закомлистого, красного сколько понадобитца...»[9].

При обилии леса крестьянин имел возможность выбрать бревно любой толщины, при этом в зависимости от назначения она могла колебаться. Для жилых строений лес брали в среднем 8 вершков (35 см) в диаметре, а для опорных столбов или же на нижние венцы сруба толщина бревна доходила до 10 вершков (44 см).

При установившихся размерах материала в заказах на постройки вместо общей высоты дома указывалось количество рядов. Благодаря этому мы можем представить себе высоту строений, показанных на плане. Количество рядов у изб в деревнях колеблется от 6 до 9, то есть высота их, таким образом, до кровли была от 2 до 3 метров. Избы в 5—6 рядов были, видимо, «поземными», в 9 и больше — на подклетах. Самые высокие дома в 11—14 рядов, изображенные в слободке и на посаде,



были двухэтажными: окна жилого помещения находятся фактически на уровне второго яруса. Если высота строения определялась толщиной бревна, то ширина его — длиной, которая, судя по договорам, чаще всего равнялась 3 саженям «меж углы» (то есть около шести метров)[8].

Искусство русского плотника особенно наглядно проявлялось в сооружении кровли, в устройстве которой мастер обходился без единой металлической детали. Как можно заметить на рисунках, бревенчатая стена продолжается вверх до самого конька кровли, завершаясь треугольником. Эти бревна назывались «самцовыми», то есть стояли как бы сами по себе, не соединяясь с бревнами поперечной стены. Таким же треугольным бревенчатым фронтоном заканчивалась и задняя стена дома. В самцовые бревна врубались продольные слеги, служившие основанием кровли — «решетиной», а пара самых верхних бревен соединялась «князевым» деревом, представляющим собой вершину треугольника кровли.

Вдоль боковых стен дома к нижним слегам решетины прикреплялись естественные крюки — «курицы», на которые клали выдолбленные желобом бревна — «потоки»: в них упирались нижние концы тесин, покрывавших кровлю. На верхние же их концы и на князевое дерево надевали «шелом» — целое бревно с продольным пазом, которое венчало гребень кровли, уподобляясь головному убору древнерусского воина. (По древнему названию кровли «охлоп», эта же деталь называлась еще «охлупнем».) Нередко для охлупня вырывали дерево с корнем и естественное ответвление его обрабатывали в виде головы коня, отчего и само бревно называлось также «конем». Крюкам придавали форму птичьих голов, поэтому они и назывались «курицами». Торцы слег, со стороны фронтона, закрывались прибойными досками, или «причелинами», которые прикрывали их от осадков и которые уподоблялись полотенцам с вышитым краем.

На рисунках построек не видно ни курицы, ни охлупней, видимо, художнику было сложно, да и не было необходимости вдаваться в подробности. Вместе с тем в договорах на постройки эти детали постоянно упоминаются. Так, в одной порядной 1648 года «половнику» (крестьянин-арендатор на определенных условиях) предписывалось: старую избу покрыть новыми драницами (более короткие, чем тесины, доски, длиной около 2 м), поставить новые курицы, желобы и «гнеты». В другой, кроме этих деталей, указаны, в качестве покрытия еще и «скалы» (береста)[10].

Березовую кору, как материал прочный, водонепроницаемый, не подверженный гниению, народный мастер оценил давно, употребляя ее для выделки самых разнообразных поделок.

Также давно применялась она и при устройстве кровли — ее подкладывали под тес, чтобы крыша не пропускала влаги и была «без капи». Для более плотного укрытия крыши служили и гнеты: длинные жерди, клавшиеся поверх покрытия по скатам кровли, а концы их, спереди и сзади, соединялись под коньком поперечинами — «огнивом».

Жилье XVII века отличало еще устройство окон и внутренних перекрытий — «мостов». Как видно на рисунках, окна показаны в виде трех небольших квадратных прорезей: два рядом, одно — выше.

Ни на одной из крыш нет труб — топка была по-черному, и верхнее отверстие служило для выхода дыма. В то же время расположенное почти под гребнем кровли это окошко говорит о том, что, по всей вероятности, между печью и крышей не было никакого перекрытия. Об этом же говорит устройство деревенских часовен, которые строились самими крестьянами и от избы отличались только главкой и крестом на крыше; сруб ставился тоже «в четыре углы», крыша крылась тесом на два ската — «клинчато», с курицами и желобами, а внутри — без потолочного перекрытия — кровля обивалась тесом — «подволокой»[11]. Интересно отметить, что также называлась в то время подкладка верхнего платья.

Такими же небольшими делались в часовнях и окна. Вырезанные в толще двух смежных бревен, они назывались «волоковыми», так как закрывались изнутри доской, двигавшейся — «волочившейся» по специальным пазам. Во время холодов, чтобы в помещение проходил свет, доску отодвигали, а снаружи в оконный проем вставляли «оконницу» — деревянную раму с натянутым каким-либо прозрачным материалом. В теплое время окон-

Слюдяная оконница от волокового окна. XVIII век. Север

Оконницы представлены так, как они располагались на передней стене избы.

Очелье наличника, повторяющее форму северного кокошника. XVIII век. Север.

ницы вынимались, и пустые глазницы оконных проемов смотрели на улицу темными впадинами (такими мы их и видим в зарисовках). Самым дешевым был промасленный холст, или «паюс» (пленка рыбьего пузыря); более совершенным, но и дорогим — слюда, которая на Севере была широко распространена.

Она добывалась небольшими хрупкими кусочками, для их соединения ее оправляли металлическими полосками, которые составляли порой красивый узор. Однако для такой оконницы требовалось относительно дорогое мастерство специалиста — «оконничника», поэтому иногда кусочки слюды просто сшивали и называли их «шитухами».

Судя по изображениям на плане в деревенских домах все окна были волоковыми. Однако на некоторых постройках посада можно увидеть большие окна, оправленные снаружи рамой. Это «красные», или «косящатые», окна, раньше всего они появились в посадах и городах, при этом в первую очередь на общественных зданиях. Не случайно на плане они показаны на фасаде таможни (там взимались пошлины с привозимых товаров) и церковных приделов. Чаще всего их делали по одному в центре, с двумя маленькими по сторонам. Так, например, в 1682 году подобные окна были заказаны мастеру для приказной избы в Великом Устюге: сделать оконницы «две малые с железом и одну большую — шитуху»[12]. В отличие от волокового красное окно укреплялось косяками, составлявшимися из трех связанных в виде буквы «П» брусков. Подоконником же у него служило стесанное до половины нижнее бревно проема. Ширина красного окна была та же, что и у волокового, а высота в два раза больше. Как в размерах построек, так и для оконных проемов, были установлены свои постоянные величины. Поэтому на городских рынках Севера — в Великом Устюге, Вологде, Холмогорах и других, стала возможной широкая продажа готовых оконниц любого размера и стоимости. Самыми дешевыми были «шитухи», выше ценились оконницы в железной оправе к красным, косящатым окнам. Торговые люди закупали их сразу большими партиями, а затем отвозили в отдаленные районы. Так, в 1633 году «колмогорец... оконнишник» приехал в Устюг на двух лошадях и в числе других товаров «явил... 60 окончин слудных з железом, да 60 окончин нитьми шиты»[13].

Наряду с готовыми оконницами в большом количестве продавалась и слюда. Судя по названиям, она была также разного достоинства: самая дешевая — мелкими кусочками — (шла на шитые оконницы, иногда ее так и называли — «слюда шитья» (предлог «для» в документах того времени часто опускался.— *С. Ж.*). Для больших красных окон ее специально подготавливали, обрезая по определенной форме и размеру: «косящатая», «большого косяка», видимо, в виде косой клетки или ромба — самого распространенного вида узора оконницы с металлической оправой[13].

Из сказанного выше можно заключить, что строительная техника в XVII веке была уже достаточно отработанной. Поэтому при необходимости каждый крестьянин мог применить те конструктивные приемы, выбрать тот материал, который в данном конкретном случае был наиболее целесообразным и выгодным. Если мы снова присмотримся к изображениям на плане, то увидим, что одни строения: избы, клети, амбары — срубные (сложены из бревен). Стены других — таких, как дворы, сараи, гумна, составлены из «заплотин»: горизонтально уложенных бревен, заостроенными концами вставленных в столбы. Это не случайно: жилые строения и хранилища ценных запасов должны были быть сухими и прочными, служить дольше. Хозяйственные же, особенно дворы и сараи с хлевами для скота, быстро сгнивали. А заплотины сменить было значительно проще, чем поставить новый сруб. Поэтому в наказах на работы половникам в качестве обязательных работ, чаще всего указывалось: сменить или поставить новые хозяйственные строения. А поскольку основной опорой заплатной конструкции были столбы, их толщина и количество особо оговаривались.

Так, например, в порядной 1677 года предписывалось: сарай поставить на 9 столбах и «заплот забрать новыми заплотинами». Столбы в отрубе должны были быть не меньше 10 вершков.

В другом случае, поскольку столбы служили дольше, менять нужно было только заплотины: «...а в те сарайные столбы заплот забрать новый и верх свершить» (то есть поставить новые курицы, желоба и гнеты).

Интересно отметить, что уже в XVII веке были сараи со вторым ярусом — поветью, видимо, того типа, который хорошо известен по более поздним хоромам Севера в виде домадвора. Так, в одном документе в числе прочих строительных работ нужно было «повети намостить новыи»; поскольку же здесь не требовалась большая прочность дерева, «повети-ны,— говорится там же,— должны были быть в отрубе 4 вершка» (то есть всего 17 см)[14].

Дошедшие до нас сведения той эпохи красноречиво свидетельствуют о продуманности, профессиональной отработанности каждого строительного приема, каждой детали сооружения, которое при необходимости можно было и перенести на новое место и обновить разрушенные места. «Житницу старую перенесть,— говорится в одном из документов за 1648 год,— и подрубить, и в заборах гнилые — те вон метать»[8].

Приспособленность типов построек к повседневным жизненным потребностям крестьянина привела к относительному постоянству в размерах сруба (где модулем служило бревно), проемах окон, видах конструктивных деталей и строительного материала. Поэтому на рынках можно было купить не только готовые оконницы для окон, тесницы, сколы и желоба для покрытия, круглый лес для стен, но и готовые срубы.

Таким образом, в XVII веке, благоустройство и совершенствование крестьянского жилища происходило за счет увеличения отдельных строений, использовавшихся для разных целей. Вместе с тем, хотя появились уже двухъярусные высокие постройки: на подклетах, подизбицах, и сараи с поветою, в единую постройку с общей кровлей они, видимо, еще не сложились.

Интересный образец ее мы находим только в следующем столетии. Это — изба 1765 года, подробно описанная, обмеренная и сфотографированная уже в начале нашего века ученым Л. Костиковым, которую он назвал «избой семи государей».

С этим домом стоит познакомиться подробнее: в его устройстве можно наглядно проследить традиции XVII века, уяснить некоторые, оставшиеся не совсем ясными конструктивные приемы и термины. С другой стороны, в этой постройке проявилось то новое, что покажет, в каком направлении пошло развитие благоустройства крестьянского жилища в XVIII—XIX веках[15].

Дом находился в селе Верховье, в нижнем течении реки Онеги. Срубленная из толстых сосновых бревен постройка объединила под одной крышей избу с горницей и подклетом, сени с подсеньем и двухъярусный двор. В длину она занимала более двадцати метров и, подобно сотам, была составлена из самостоятельных ячеек — срубов. Передний — изба — служил зимним жильем; через дверь из нее попадали в сени с четырьмя дверями: в чулан, в горницу, клеть и на крыльцо. Проход между горницей и клетью вел во двор. Верхний ярус его — поветь — служил для хранения сена и сбруи, в нижнем находились стойла и хлев для скота.

Таким образом, в суровую зимнюю стужу или в дождь крестьянин мог, не выходя наружу, иметь под рукой необходимые жизненные припасы, дрова на топливо, лучину для освещения и управиться со скотом.

В нижнем этаже «лица» избы видны выпуски дополнительных поперечных бревен. Это — «зауглы»: короткие бревна, врубленные в стену для того, чтобы от времени она не коробилась и не выпирала. Кроме того, верхние бревна, постепенно удлиняясь, далеко выходят над фасадом, образуя кронштейн, и на нем — на «повале» — держится навес кровли. На таких же выпусках — «выводных» бревнах лежит площадка крыльца — «рундук» и край горницы так, что часть ее сруба как бы висит над нижним этажом — «подгорницей».

Устройство пристроек на выпусках бревен было возможно лишь при наличии прочного толстомерного леса. С исчезновением его был постепенно оставлен и этот интересный конструктивный прием. Возможно именно с ним было связано устройство загадочных «повалушек», неоднократно упоминающихся в документах XVII века («...изба, а против избы повалушка...»). Как и горница, она могла ставиться на выпусках бревен избы: не случайно в то время на таких «выводах» к часовням пристраивались большие паперти с крыльцом и самостоятельной кровлей.

На фасаде дома можно увидеть еще одну новую для нас конструктивную деталь. Начиная с пятого от земли венца, ряд выступающих торцов бревен делит избу на две неравные части. Это — стена «с перерубом», то есть пятая стена, которая отделяет в избе дополнительное помещение — «шебнушу». С назначением его мы познакомимся позже, когда «проникнем» внутрь жилого помещения. Здесь же можно отчетливо представить себе, что собой представляло распространенное и в XVII веке устройство стен «заплотом» и сарая на столбах. Заплотом в этом доме были устроены сени и стены сарая. Стояки в сенях примыкали с одной стороны — к стене избы, а с другой — к клети. В эти стояки были врублены горизонтальные бревна. Конструкция сарая — последней составной части дома — позволяет уяснить, что такое «сарай на столбах». В описываемой постройке крыша сарая не опиралась на сруб, как в избе, а держалась на врытых в землю стояках. На их верхние концы были уложены поперечные бревна, видимо, они тоже назывались самцовыми («...а на столбы класть трон самца, покрыть драницами...»). Эти бревна связывали между собой стояки и служили опорой для верхнего яруса сарая — повети. Бревенчатый же скотный двор был сложен внутри столбов. Такая конструкция давала возможность легко сменить сгнившие от сырости стойки, не нарушая основное строение. На верхний этаж двора по бревенчатому покатому настилу — «въезду» — могла въехать лошадь с возом сена.

Новое в благоустройстве дома можно увидеть с наружной его стороны. Это деревянная труба — «дымница» на крыше и ряды окон, в том числе и два больших — на фасаде и боковой стене.

Дымница говорит о том, что в прежней топке по-черному произошли изменения. О них мы узнаем ниже. Важной чертой в улучшении крестьянского жилища стало распространение в деревне красных окон, а также увеличение числа волоковых, вместе с совершенствованием в их устройстве. На описываемом доме окна были уже застекленными:

Очелье наличника, повторяющее форму северного кокошника. XVIII—нач. XIX века. Север.

стекло в деревенских постройках стало применяться только к концу XVIII века. Поэтому со слюдяными оконницами можно познакомиться по образцам из музейного собрания, привезенным из северной деревни и снятым с дома XVIII века. Как и на доме 1765 года, на фасаде было три окна: два малых и одно большое. Оконницы от волоковых окон оправлены в деревянную раму. На той стороне, что смотрела на улицу, время и непогода оставили следы: поверхность потемнела и слегка отшлифовалась, а в слоях древесины появились глубокие ложбинки — «морщины», подчеркнувшие фактуру сосны и ее природное узорочье.

Слюда оправлена в металлические полоски, составляющие несложный узор в виде круга и картуши, дополненных косой клеткой. Оконница от красного окна той же ширины, но в два раза выше. В деревянную раму с переплетом из девяти клеток вставлена слюда, сшитая из мелких кусочков суровыми нитками. Это — образец той шитухи, которая по документам нам уже знакома. На рамах сохранились следы от металлических крюков и петель, следовательно, эти оконницы не просто вставлялись в оконные проемы, но «подвешивались» и могли открываться и закрываться.

С ростом благоустройства внутренних помещений дома больше внимания начинает уделяться и его внешней отделке. В основе декора даже самой простой деревенской избы всегда лежит единство решения утилитарных и художественных задач, в соразмерности целого и частей, в скульптурной обработке деталей. Утопленные в толще бревенчатой стены окна нарушали ее строгую гладь, подчеркивали округлость венцов. Уподобляясь глазам, оконные проемы смотрели то темными впадинами, то светящимися внутри точками, а то, отражая яркие лучи солнца, превращали дом в одушевленное существо.

С появлением красного окна — законной гордости каждого хозяина — появляется на фасаде и его особый «наряд» — очелье со сквозным резным узорочьем. Расширенные кверху, они повторяли форму северной девичьей повязны и, подобно этому убору, помещались на вершине окна. Их ажурные порезки очень богаты вариантами.

Своего полного развития крестьянское деревянное зодчество достигло в последующем столетии. К этому же времени и декор дома становится таким богатым, пышным, художественно разнообразным, словно не само строение, а его наряд становится главной заботой владельца.

Н. Н. Гончарова,
историк

Крестьянское жилище Верхнего Поволжья к XVIII—XIX векам

К концу XVIII века северная крестьянская архитектура создала совершенное по своему функциональному назначению жилище: собранное под одной крышей множество отдельных ячеек-срубов обеспечивало жильем большую семью крестьянина и удовлетворяло все его хозяйственные нужды. Этот жилой комплекс, не изменяясь в основе, продолжал сохранять свое значение вплоть до XX века. Север как бы законсервировался и стал естественным хранилищем старых архитектурных традиций, в то время как Верхнее Поволжье испытывало на себе необыкновенный торгово-экономический подъем. Вот почему именно с территорией Верхнего Поволжья оказалось связанным дальнейшее развитие русского народного жилища.

Волга — древнейший водный путь, издавна влиявший на хозяйственную и культурную жизнь прилегающих к ней территорий. По Волге осуществлялись торговые связи с различными районами России, со странами Средней Азии и Кавказа.

Земли, лежащие в бассейне Волги, были и плодородными и скудными. Лесистые зоны перемежались со степными, чисто земледельческие уезды с земледельческо-промысловыми.

Земледелие имело здесь второстепенное значение, так как подавляющее большинство населения не могло прокормиться собственным хозяйством.

В Верхнем Поволжье имело место помещичье и государственное землевладение. Большая часть населения принадлежала к помещичьим крестьянам, которые пользовались относительной свободой, так как имения были в основном «заглазные». Помещики жили в крупных городах, и народ не испытывал всей тяжести крепостной зависимости. То же положение было и у государственных крестьян, которые относились ранее к черносошным. Лишь с начала XVIII века началось их постепенное закабаление в результате петровских реформ. В этом смысле состояние крестьянского населения Верхнего Поволжья и северных губерний было практически одинаковым.

Недостаток пашенных и луговых земель, неплодородные почвы, с одной стороны, и выгоды Волжского торгового пути — с другой стимулировали широкое развитие ремесел и торговли.

Еще одной характерной чертой Верхнего Поволжья было значительное количество раскольничьего и беглого населения, которое на протяжении XVII—XVIII веков прочно осело в заволжских лесах. Мельников-Печерский писал: «Верхнее Заволжье — край привольный. Там народ досужий, бойкий, смышленый и ловкий... Живет заволжанин хоть в труде, да в достатке. Сыстори за Волгой мужики в сапогах, бабы в котах»[16].

В лесных местах издавна занимались плотничьим ремеслом, изготовлением деревянной посуды, бондарным, тележным или щепным делом, ковкою железа, обжигом угля.

В безлесных районах валяли обувь, ткали рогожи, занимались канатно-пеньковым и сетевязальным делом.

В торгово-промышленную деятельность было вовлечено почти все население края. Особенно интенсивно стало развиваться судоходство и судостроение, что имело большое значение для верхневолжской архитектуры: места постройки судов оказались центрами притяжения плотников. Это дало толчок к развитию отхожего плотничества. Стали появляться артели. Вначале небольшие, из 2—6 человек, без подрядчика, со старшим из своей среды. Постепенно налаживается более тесная связь с городами, составляются крупные артели с подрядчиками.

Поволжские плотничьи артели высокой квалификации вносят профессионализм и новые конструктивные приемы в крестьянское строительство. В XIX в. уже выделяются отдельные школы плотничьего искусства[17]. В Нижегородской губернии высоко ценили владимирских «аргунов» и «якушей», в Тверской — ярославских «захарьинцев» и «сицкарей», по всему Поволжью работали костромские «галки». Сочетая в себе мастерство предков с требованием времени и городской культурой, плотничьи артели отличались не только высоким профессионализмом, но имели свой творческий почерк, ярко выразившийся в декоративном убранстве верхневолжского жилища.

Если сведения по крестьянскому жилищу XVII—XVIII веков в основном получены в результате анализа изобразительного материала, путем сравнения и изучения документальных источников и зарисовок иностранцев, то по XIX веку сложилась более благоприятная ситуация.

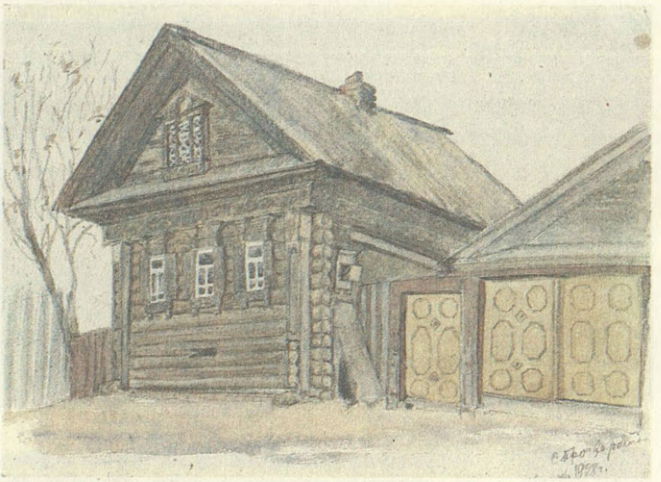
В XX веке начинается этап систематического изучения русской народной архитектуры. К этому времени еще сохранились старые крестьянские постройки, живы были плотничьи традиции и искусство резчиков, народная память берегла имена лучших мастеров.

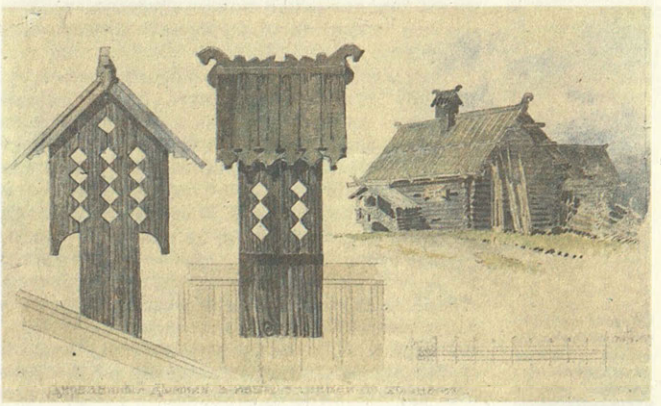
Прежде всего XIX век внес изменения в планировку деревни. Уже с начала XVIII века правительство целым рядом указов пытается упорядочить деревенское строительство, ввести линейное расположение домов с определенными промежутками между ними, в целях уменьшения опасности пожаров[8]. Лишь к XIX веку мы можем видеть, что эти указы начинают входить в жизнь.

Примером такого упорядоченного расположения деревни может служить рисунок французского художника Анри Дюрана, посетившего Россию в 1839 году[19]. Эта деревня находилась на пути из Костромы в Ярославль. На рисунке видна ровная линия домов, обращенных фронтонами на дорогу, и широкий проулок между ними, ведущий в поле за деревней.

В центре рисунка изображен дом с кирпичной трубой. Уже к середине XIX века топка «по-белому» становится преобладающей в верхневолжских крестьянских домах. Очень выразительно об этом говорится у Мельникова: «Заволжанин... о черных избах да соломенных крышах только слыхал... А чистота какая в заволжских домах! Славят немцев за чистоту... Побывать бы за Волгой тем славильщикам, не то бы сказали... как чисто, опрятно живут заволжане»[20]. Такое же впечатление сложилось и у австрийского путешественника Гакстгаузена от деревенских построек Ярославской губернии.

Обязательной принадлежностью почти каждого дома в деревне являлась баня. Среди них встречались топившиеся «по-белому». Ставились они на берегу рек, за деревней, во избежание пожара. И опять примером может послужить баня, описанная Мельниковым в его романе «В лесах»: «Высокая, белая, светлая, просторная, она и снаружи смотрела дворянскою, а внутри все было чисто и хорошо прибрано. Липовые полки, лавки и самый пол по нескольку раз в год строгались скобелем, окна в бане были большие, со стеклами, и чистый предбанник прирублен был».





Дом и двор с резными украшениями. 1873 год. Нижегородская губерния. Рис. С. К. Просвиркиной.

Крестьянский дом с охлупнем и деревянной дымницей. Конец XVIII—нач. XIX века. Верхнее Поволжье.

Вместе с тем еще сохраняют свое значение дома, с так называемой «полубелой» печью. И прежде чем предать забвению черную избу, вырастившую в своих стенах не одно поколение русских людей, хочется обратить внимание на те особенности, из-за которых на протяжении нескольких столетий она так устойчиво сохранялась. В данном случае имеют место не только крестьянский консерватизм и приверженность дедовским обычаям.

Прежде всего черная печь требовала гораздо меньшего количества кирпича, который

доставался крестьянам трудно и недешево. То же самое можно сказать о необходимых металлических частях для «белой» печи (например, вьюнки и пр.), не всегда доступных и дорогих. Кроме того, курная изба считалась более теплой и долговечной, в ней был сухой воздух, и при топке расходовалось меньше дров. Выходящий в помещение дым обрабатывал и дезинфицировал помещение. В деревнях, занятых промыслами, такими, как гончарный, черные печи сохранялись дольше, в них удобнее было обжигать горшки и другие изделия.

Птица Сирин. Деталь резного украшения фасада крестьянского дома. Сер. XIX века. Нижегородская губерния.

Такую избу, сохранившую в себе все старые строительные приемы с лишь незначительными дополнениями нового времени, изобразил на акварельном рисунке неизвестный художник.

Здесь хорошо видны и курицы, и величественный конь — «охлупень», завершающий кровлю,— классические признаки традиционной самцовой крыши. В то же время обращает на себя внимание деревянная дымница с причудливой резной двускатной кровлей и двумя кониками наверху. Художник изобразил отдельно деревянную трубу для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть ее резной декор, а с другой — показать устройство: прорезные отверстия служат для выхода дыма, а двускатная кровелька предохраняет дымницу от осадков. Присутствие на крыше такой деревянной трубы-дымницы говорит о том, что это не обычная курная изба, и жилище с «полубелой» печью.

Сирена — доска резная малая, деталь украшения фасада крестьянского дома. II четверть XIX века. Нижегородская губерния.

При таком устройстве дым уходил в отверстие стены за печью в сени, а оттуда в деревянную дымоволочную трубу. Дымоволочные трубы использовались еще в XVII веке в монастырских и посадских строениях. Так, в расходно-приходной книге Кирилло-Белозерского монастыря за 1608 год отмечено, что мастеру, который «починивал в сапожной избе трубу дымоволочную, заплачено за работу было в 8 денег»[21].

Сбоку дома, рядом с нарядным крыльцом-«рундуком» видны три волоковых окна. Центральное окно, как бы сдвоенное волоковое, украшено цветным очельем со ставенками. Поскольку переплеты рамы очень мелкие, возможно, здесь вставлена слюда. Весь облик дома наводит на мысль, что и дымоволочная труба, и наличник на волоковом окне появились позднее, чем сама изба. Чтобы не отставать от времени, хозяин сделал необходимые архитектурные изменения в своем жилище. Чуть увеличенное на одно бревно окно как бы является предвестником красных окон, в убранстве которых верхневолжские крестьяне проявляли так много вкуса и мастерства.

Новые черты в крестьянском строительстве можно наблюдать и на рисунке Анри Дюрана. Хотя в основе строений лежит прежняя самцовая конструкция, срубы стали значительно выше (в 10—11 венцов). Дома поставлены на высокое подполье с четко выделенным потолочным покрытием и чердачными окнами. На фасаде каждого из них по три светлых красных окна со стеклами.

Стоит обратить внимание на частые переплеты оконных рам. Это объясняется тем, что прозрачное стекло в это время производилось небольшим по размеру. Такими кусочками оно и поступало в продажу. Поэтому оконный переплет со стеклом как бы повторяет традиционную форму слюдяной оконницы.

На рисунке можно видеть характерные детали, отличавшие поволжское жилище от северного. Двор расположен не сзади дома, как у северной избы, а сбоку. С улицы в него ведут добротные, крытые крышей бревенчатые ворота с калиткой. Изба через сени соединена с горницей — у задней пристройки видны красные окна. Следовательно, здесь не только установилась трехчастная связь под одной кровлей — изба — сени — клеть, но глухая клеть превращается в светлую горницу. Дальнейшее развитие верхневолжского жилища имело в основе такое деление, шло за счет прибавления дополнительных помещений (клетей, горниц, чуланов и боковушек). К концу века появляются пятистенки и вторые этажи.

На рисунке Дюрана хорошо видны разные украшения построек. Фигурные стамики, кре-

пящие князевое бревно, точеные балясины балкончиков-выходов, причудливо украшенные светелочные оконца, резные причелины с положенчатыми концами и богато убранные наличники красных окон делают простую крестьянскую избу очень нарядной.

В середине XIX века появляется новая конструкция крыши. Старую самцовую кровлю заменяет стропильное покрытие, технически более простое и требующее меньшего количества дерева. Возможность такого покрытия определила применение гвоздей.

Стропильную крышу держали две пары бревен-стропил, установленных нижними концами на углах стен сруба, а верхними концами соединенные друг с другом так, что каждая пара образовывала равнобедренный треугольник [22]. Вершины обоих треугольников крепились поперечным брусом. На наклонные стороны треугольника набивались поперечные жерди-слеги, образуя решетку подобно каркасу самцовой крыши. В 70—80-х годах стропильное покрытие широко внедрилось в крестьянское строительство.

Основным строительным материалом в Поволжье, как и на Севере, по-прежнему была сосна, однако в связи с сокращением лесных массивов и удорожанием древесины стала использоваться ель, а для хозяйственных построек — осина.

Для рубки избы приглашались плотники, но материал заготавливал сам хозяин с семьей или помочью»[23].

При постройке дома всячески старались задобрить плотников, так как они относились к «знающим» людям и легко могли напортить хозяевам. Подобное отношение связано с народным представлением об окружающем мире. Обожествляя природу, крестьянин населял ее живыми существами. По народным поверьям, в лесу жили лесовики и лешие, в реках — водяные и русалки. Русский землепашец не просто обрабатывал поле, а засевал мать-сыру землю, свою поилицу и кормилицу. Это представление крестьяне переносили и на собственное жилище. По поверьям, в доме жили дворовый и домовой, в хозяйственных постройках — овинники и гуменники. При переселении на новое место приглашали и их: «Батюшка домовой и матушка домовая, батюшка дворовый и матушка дворовая, со всем семейством, пойдемте к нам на новое жилище, с нами жить». В данном случае плотник как мастер и создатель этого жилища пользовался особым уважением.

Рубили избу для удобства работы в 3 сруба по 5—7 бревен в каждом. Всего в избе к концу века было в среднем 15—17 венцов. Концы бревен обрубали топором, а не пилили, так как опиленные бревна «дерет ветром» — они трескаются.

Из-за отсутствия толстомерной древесины рубку делали с меньшей выемкой, не «в обло», а «в угол». Такой способ рубки лучше предохранял бревно от быстрого загнивания. В срубах постройка оставалась до осени или весны, пока не просохнет.

Еще одной новой чертой в строительстве было наличие фундамента. Фундаментом чаще всего служили камни или просмоленные деревянные чурки, которые подкладывались под углы. Использовались также плахи и лапы — выкорчеванные пни. Их ставили вверх или вниз корнями.

После этого происходил «оклад» дома, то есть укладывался на столбы нижний, основной, так называемый «окладной» венец из самых толстых бревен. При закладке в углы «окладного» венца клали деньги, чтобы в доме не переводился достаток.

При строительстве дома существовали истари установившиеся обычаи. Они как бы отмечали основные этапы строительства жилища, от которых зависела прочность и долговечность постройки. Особо отмечалась закладка фундамента, установка «матицы» — потолочного перекрытия и стропил, держащих крышу.

Сирена. Доска резная — деталь украшения фасада крестьянского дома. 1840-е годы. Нижегородская губерния.

К этому событию специально варилось пиво, устраивалось застолье, и гости высказывали добрые пожелания: «Хозяину добро здоровье, а дому доле стоять. На месте сгнить и стоять» (то есть не сгореть от пожара, а стоять пока не сгниет).

После оклада возводили сруб или «собирали дом на моху», прокладывая «надраным» в низинах и высушенным мхом каждое бревно. Между 2—4 бревнами пропиливали небольшие окошечки, чтобы проветривать и освещать подполье. Зимой они закрывались. В 4, 5 или 7-м венце врубались в стену переводы для пола. При сборке намечались окна и двери.

В XIX веке отсутствие потолка сохранилось лишь в хозяйственных постройках, а в домах он был уже обязателен. Для устройства потолка врубали в стены одну балку — посредине. Называли ее матицей. Матицу отесывали с трех или четырех сторон. Для укрепления не прорезали всю стену насквозь, а делали углубление в полдерева. Бревна венца, куда вру-

Сирена. Доска резная малая, деталь украшения фасада крестьянского дома. 1840-е годы. Нижегородская губерния.

Доска резная с изображением льва — деталь украшения фасада крестьянского дома. Сер. XIX века. Нижегородская губерния.

Доска малая — деталь украшения фасада крестьянского дома. 1840-е годы. Нижегородская губерния.

Доска резная малая с изображением льва — деталь украшения фасада крестьянского дома.

Птица с оглядкой — деталь украшения фасада крестьянского дома. 1840-е годы. Нижегородская губерния.

балась матица, выбирались более толстые, ибо они должны быть прочнее, так как под потолком собирались испарения, вредно действующие на дерево. На матицу настилался потолок из крупных, тесаных бревен или из половинок.

Крыши делались четырехскатные или двускатные «на коня». Когда крыша закончена, говорили «дом собран под крышу».

В качестве покрытия, как и прежде, использовался тес. Однако из-за дороговизны дерева он почти исчезает к концу века.

С появлением гвоздей все чаще стали применять щепу или лучину. Щепа представляла собой тонкие пластинки из сосны или осины не толще 1 см и длиною в 8—12 вершков. Она набивалась гвоздями на жерди, уложенные поперек стропил. Набивать начинали снизу, накладывая верхний ряд на нижний. Уложенная разным способом щепа создавала разнообразные орнаментальные композиции. Самый верх крыши покрывался «шеломцем» из двух досок, укрепленных под углом.

Все новые архитектурные особенности заволжского жилища хорошо отражены на рисунке С. К. Просвиркиной, сделанным ей в 1928 году в Нижегородской губернии. На карнизной доске дата «1873 г.». Дом, простоявший более полувека, выглядит добротным и прочным. Нижнее, видимо сгнившее, бревно заменено кирпичной кладкой. Как и на рисунке Дюрана сбоку от дома находится двор. У каждой постройки своя двускатная кровля, то есть дом поставлен «на два коня». Кирпичная труба свидетельствует о наличии в доме «белой» печи.

Стропильная конструкция как бы подчеркнула деление дома на две части — сруб и кровлю. Это в свою очередь изменило и характер его декора. При самцовой кровле причелины — полотенца — оттеняли единство избы. Здесь же резная карнизная доска подчеркивает отделение кровли от стены, уподобляя треугольник фронтона классической архитектуре города.

Три красных, или косящатых, окна с резными наличниками расположены на главном фасаде, а волоковое переместилось на боковую сторону. Резная карнизная доска идет не только по фасаду, но и по всем сторонам дома. Особенно нарядно выглядит светелочное оконце. В его декоре сказалось влияние городских построек.

Основным признаком развития жилища XIX века, как бы кульминацией всех возможностей плотничьего мастерства и народного представления о красоте явилось высокое искусство декоративного убранства дома. Создав совершенное по своему внутреннему устройству жилище, крестьянин все свое умение и фантазию сосредоточил на его внешнем облике.

Потомственный древодел и резчик, русский человек выразил себя в любимом и привычном материале — дереве, создавая причудливую композицию декоративного убранства избы.

Доска резная малая с изображением льва. Деталь украшения крестьянского дома. Сер. XIX века. Нижегородская губерния.

Наличник светелочного (чердачного) окна. 1881 год. Нижегородская губерния.

Наиболее ярко и выразительно фантазия резчиков проявилась в нижегородской домовой или судовой резьбе.

Нижегородская резьба имеет ряд названий. Одно из них, «судовая резь», связано с ее исполнителями — артелями владимирских «якушей» — потомственных специалистов по украшению волжских судов. «Это резное искусство развилось на волжском судостроении. Нынче, когда прежние разукрашенные расшивы, мокшаны и коноводки вытесняются постепенно пароходами и баржами, корабельные резчики стали работать по деревням»,— писал в 70-х годах XIX века архитектор Даль. Недолог был век волжского речного судна. Через год-два его ломали на дрова. Резные же доски снимали и вешали на избы, обрезав по нужному размеру. Так и появился обычай украшать волжские дома «корабельной» резьбой.

В другом названии — «глухая резь» — отразилась техника ее исполнения. На доску толщиной до 8 см наносился узор. С помощью различных долот слой доски, на котором не было узора, снимался и оставался рельефный орнамент. В дальнейшем он отделывался до совершенства. Фон у такой доски был сплошным, в отличие от сквозной прорези, что и определило еще одно ее название — «глухая» резьба.

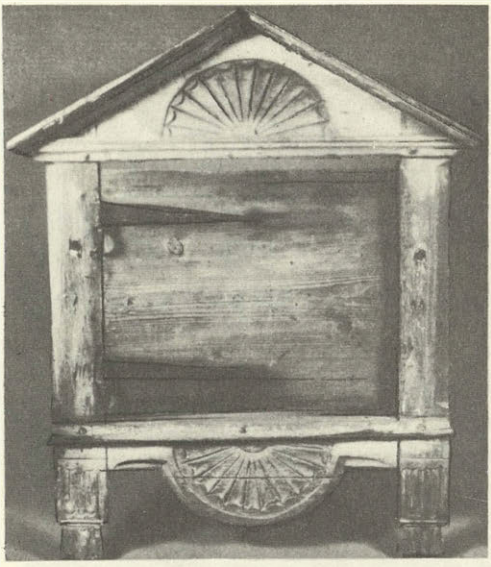
В орнаментике тех или иных образов можно заметить значительные различия в уровне художественного мастерства. Прежде всего это связано с профессиональными способностями каждого резчика.

Декоративное убранство дома, характер композиции и резного орнамента зависели и от места доски в общем декоре избы, и от ее размеров и формы. Более крупные и пышные узоры украшали фризы, доски фронтона, наличники. Мотивы орнаментов резчикам подсказывала сама природа, но они не просто копировали ее. Народные мастера свободно соединяли реальность с вымыслом, наделяя фантастические образы характерными чертами своих современников.

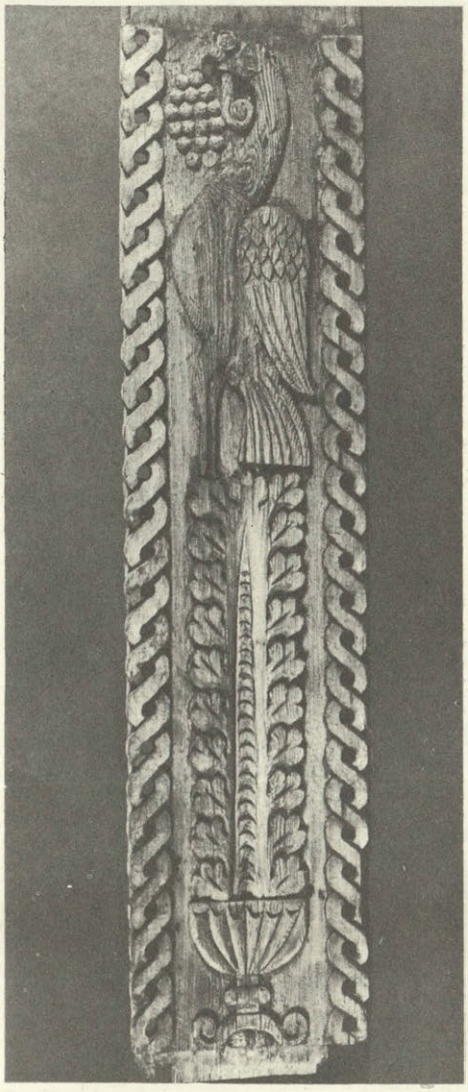
Основное место на резной доске занимал растительный побег, в рисунок которого вплетались розетки цветов, виноградные гроздья, надписи и даты. Завитки чередовались между собой, усложняясь многочисленными ответвлениями и сочетаясь с самыми различными существами. Львы и берегини, сирены и журавли, райские птицы и фараонки становятся основными фигурами резного узора или завершают его композицию. В каких глубинах народного сознания родились эти сказочные образы, воплотившиеся в резных наличниках и карнизах, калитных и воротных арках, светелочных окнах и причелинах? Выполненный техникой «глухой» барельефной резьбы и очень близкий, по существу, к деревянной скульптуре, этот орнамент помогал народным мастерам придавать жилью особую красоту и теплоту.

Но помимо своего декоративного назначения, эти фигуры имели глубокое внутреннее содержание и смысловое значение, поэтическую образность которого крестьяне перенесли на свое жилище. Сейчас можно только догадываться о той роли, которая отводилась деревянным изображениям на избах. Бесспорно одно: все они служили как бы «оберегами», защищая дома от всего темного и недоброго. Со временем

Журавль на вазоне — резное фигурное украшение окна крестьянского дома. III четверть XIX века. Нижегородская губерния.



Наличник волокового окна. II четверть XIX века. Нижегородская губерния.



Журавль на вазоне. Резное фигурное украшение на месте ставни наличника окна крестьянского дома. 1860-е годы. Нижегородская губерния.

утратилось конкретное содержание каждого образа, но могучая сила традиции донесла до наших дней русалок, сиринов и львов, сохранив для потомков житейскую мудрость русского крестьянина: «А как же без обереги, разве можно в доме!»[24].

Один из любимейших персонажей домовой резьбы — лев. Грустный и задумчивый, веселый и грозный, порой похожий на расшалившегося щенка, этот страж и защитник поражает разнообразием настроения, бесконечными вариантами декоративных возможностей одного и того же образа, демонстрируя высокое мастерство резчиков. Обычно он помещался среди тугих завитков побега, в профиль, с мордой, обращенной к зрителю, и хвостом, прихотливо изогнутым и пропущенным через заднюю лапу. В изображении львов на Дмитровском соборе во Владимире много общего с их нижегородскими собратьями. Это сходство прослеживается и в позе зверей, и в процветшем хвосте, и в характерном развороте морды. Являясь в древности символом власти и силы, в XIX веке этот деревянный зверь, уютно устроившись на причелинах, карнизах, наличниках и приняв на себя обязанности заступника и хранителя, как бы подтверждает старинное выражение: «Когда лев спит, очи его здравствуют»[25].

Не менее выразительны и интересны другие персонажи нижегородской резьбы — берегини и сирины. Женщины с рыбьими хвостами и волосами, расчесанными на прямой пробор, назывались сиренами, русалками или берегинями. Этот древний образ, связанный с водой и землей, перешагнув с волжских барж и расшив в крестьянскую архитектуру, утратил свое первоначальное значение. Имея те же охранительные функции, берегини с комфортом расположились на крестьянской избе среди цветочных розеток и виноградных гроздей.

Сиринами назывались полуженщины-полуптицы, с короной на голове и пышным птичьим хвостом. Эти изображения, характерные и для северных росписей, покрывали колыбели, сундуки и прялки. В поволжскую резьбу они попали из древних поморских рукописей[26], в заставках которых встречаются сюжеты, близкие «судовой рези».

И берегини и сирины изображались с поднятыми вверх руками, держащими цветок или конец побега.

Помимо этих сказочных образов, получили распространение резные надписи и даты, которыми народные мастера любили украшать свои постройки. Благодаря этому обычаю безымянное крестьянское искусство как бы заговорило. Стало возможным установить основные этапы развития архитектуры народного жилища Верхнего Поволжья. На основании этих наблюдений можно сказать, что началось распространение резьбы на домах не раньше 30-х годов XIX века в северных районах Нижегородской губернии, расположенных на волжских берегах, а в более южные и отдаленные районы резьба пришла лишь в 60—70-х годах. Не менее интересны и надписи, встречающиеся на резных досках. Некоторые из них говорят о владельцах, другие же выявляют имена отдельных мастеров среди того бесчисленного множества безвестных зодчих, которые создавали замечательные памятники деревянной архитектуры на берегах великой русской реки.

В крестьянской архитектуре блестяще нашло отражение органическое единство конструкции и декора. В памятниках народного зодчества проявились жизненный опыт, строительная мудрость и художественная одаренность русских мастеров, строивших просто, целесообразно и красиво.

---

[1] Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.— В кн.: Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Кн. 1.— М., 1909, с. 129—176; История северного крестьянства. Сборник.—Архангельск, 1984, с. 159—348.

[2] Цит. по кн.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. 1. Вып. 2.— Спб., 1910, с. 57.

[3] Воскобойникова Н. П. К истории поселений Яренгского уезда в конце XVI— начале XVIII века.— В сб.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вып. 3.— Вологда, 1970, с. 377—380.

[4] См.: Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища.— М., 1962, с. 48, 52—62.

[5] См.: Мейерберг А. Виды и бытовые картины России XVII века. Альбом.— М., 1903.

[6] См.: Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, с. 14—54 и прил. Точность составления «чертежа» вызвана тяжбой о земельных владениях между двумя находившимися там монастырями. См. также: Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера.— Л., 1981, с. 13—14.

[7] Цит. по кн.: Богословский М. Земское самоуправление..., с. 148, 162.

[8] Цит. по кн.: Русская Историческая библиотека (далее РИБ). Акты Холмогорской и Устюжской епархий, т. XIV, с. 412—413, 967—970; т. XII, с. 252, 401—403, 1177.

[9] Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура..., с. 123—124.

[10] РИБ, т. XII, XIV, с. 967—970; т. XII, с. 249.

[11] РИБ, т. XXV, с. 676—683.

[12] РИБ, т. XII, с. 1043.

[13] Цит. по кн.: Таможенные книги Московского государства XVII века.— М., 1951, с. 30; т. 3, с. 66—67, 80, 125, 207.

[14] РИБ, т. XII, с. 250—253, 464—465; т. XIV, с. 967—970.

[15] См.: Костиков Л. Изба семи государей.— Спб., 1914.

[16] Мельников-Печерский П. И. В лесах, т. 1.— М., 1977, с. 29, 31.

[17] См.: Скворцов А. И. Русская народная пропильная резьба.— Л., 1984, с. 43.

[18] См.: Введенская А. Г. К истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в.— Труды Государственного Исторического музея.— М., 1941, с.

[19] См.: Дюран А. Альбом путешествия в Россию. ГИМ, отд. ИЗО, № А-38, рис. 80.

[20] Мельников-Печерский П. И. В лесах, т. 1, с. 78.

[21] Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь..., прил., кн. 28, л. 60 об.

[22] См.: Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель.— М., 1959, с. 129.

[23] Сведения о строительной технике и обычаях взяты из книги «Верхне-Волжская этнологическая экспедиция».— М., 1926.

[24] Цит. по кн.: Званцев М. Нижегородские мастера.— Горький, 1978, с. 56.

[25] Цит. по кн.: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси.— М., 1964, с. 108.

[26] См.: Жегалова С. К. Русская деревянная резьба XIX века.— М., 1957, с. 29.

Птица Сирин — деталь резного украшения фасада крестьянского дома. 1840-е годы. Нижегородская губерния.